

ПРОСТАЯ РАДОСТЬ

Простая радость — подождать
(Лишь радостные — терпеливы),
Когда под каплями дождя
Восторженной запахнут липы.

Зарыться глупой головой
В цветы и зелень, лени зелье,
И вместе с дрожью дождевой
Живое чувствовать веселье.

Ещё художник не готов
Писать вот так, сквозь свет и воду,
Как с зацелованных цветов,
Слезясь, спадают капли мёда.

И у поэта слова нет,
И музыкант играть не начал,
А мир — и счастлив, и согрет:
Стоит, заслушавшись, — и плачет...

ВСЕГДА

Не бойся, не бойся, не бойся, не бойся, не бой...
А что же тогда? Неотступная страшная сеча.
Зачем этим стаям их гулкий весенний разбой,
Полёт вразнобой и пронзительный крик человечесий?

Зачем эта нежность? Зачем этот воздух кудряв?
Зачем так тепло у лучистого тела берёзы?
Зачем просыпаются в люльках лепечущих трав
Пролески, и бабочки, и голубые стрекозы?

Зачем во всё небо закатный румянец стыда?
Не знавшее грязи, чего оно может стыдиться?
Какую дремучую тайну скрывает вода,
Дающая жизнь даже слизням, червям и мокрицам?

Зачем улыбаются дети не мимо тебя,
А в самое сердце, в сплетение радуг и молний,
Туда, где крылатый архангел порхает, трубя,
И блещут, и плещутся синие древние волны?

И дом на песке, и пленительный терем из льда
Растают, рассыплются, мороком времени маясь...
Я только хотела сказать, что ты будешь всегда.
Ты будешь всегда — помнишь, помнишь, душа? понимаешь?..

СПЯТ

Искушителю нет нужды искушать,
Отрицателю добычи не осталось.
Наше время, словно шум, стоит в ушах.
Наша вера именуется — усталость.

Спят “гражданские свободы” мирным сном,
“Совесьть нации” спокойно задремала.
Будто палец уколов веретеном,
Спит Россия от велика и до мала.

Возвращаясь поздно вечером с работ,
Спят в машинах независимые мамы,
Мирно, сладко засыпают каждый год
Дети в школах, убаюканы программой.

Спит в палате медицинская сестра,
Спят врачи, не зная славы и почёта,
За компьютерами спят профессора,
Набирая текст научного отчёта.

В дыме фабрик, за станками, на станках
Спят рабочие, уставшие от рабства.
Спят пилоты на высоких облаках —
Так быстрее до Царства Божьего добратся.

Дремлют скульпторы, а рядом слепки спят,
Спят художники среди своих набросков,
Композиторы мелодии сопят,
Спят поэты — им, наверно, снится Бродский.

На футбольном поле дремлют вратари,
И бродяги спят, и псы под небом вольным,
И царицы, о Марина, и цари,
Убаюканные звоном колокольным.

* * *

Не ведал Данте, что сказать
О райских куцах, но, быть может,
Их шевеленье чем-то схоже
С концом игры. Ты жил — и прожил.
Теперь развязывай глаза!

И отирая пот с лица
(Как жарки были эти жмурки!),
Хоть тени ищешь, хоть фигурки
Из той, оставленной, конурки,
И плачешь, и зовёшь Отца.

Но звуки зова твоего
Безгласны. Мысль терзает немо —
Так, что невольно вспомнишь немощь
Младенца, видящего небо,
И кроме неба — ничего.

— А руки?

— Нет.

— А губы?

— Нет...

Так можно ли поведать людям
О светлом рае, где не будет
Земных волнений и примет?

Растопчут, высмеют, осудят...
И потому молчал поэт.

ФЕТ

Я знаю, так теперь не говорят,
Не чувствуют... И в жизни не звучали
Ни трели птиц, ни отзвуки рояля
Здесь, но, неслышно тая от печали,
Сияла ночь. Луной был полон сад.

Он белым был. И он благоговел
Перед судьбой, судьбы ещё не зная.
Ложилась на дорожки тень резная,
Шептали липы: “Радуйся, земная!”
И гладили меня по голове.

А где-то рядом шли — от всех времён —
От всех ночей, не поднимавших полог,
Те, для кого луною сад был полон,
Прекрасные — без возраста и пола,
Без возгласов, без просьб и без имён.

Сад засыпает, стих деревьев ряд,
И кто-то листья пальцами сминает.

